

УДК 340

БУГАЕНКО Юлия Юрьевна,
кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права Кубанского государственного
аграрного университета, Краснодар, Россия
e-mail: yuliannazone@mail.ru

BUGAENKO Yulia Yuryevna,
Candidate for Doctorate in Philosophy, Senior Lecturer at
the Chair of Criminal Law, Kuban (Region) State Agrarian
University, Krasnodar, Russia
e-mail: yuliannazone@mail.ru

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ДЕФОРМИРОВАННЫЙ ТИП ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

LEGAL NIHILISM AS THE DEFORMED TYPE OF LEGAL CULTURE

В статье рассматривается правовой нигилизм как неотъемлемый элемент деформированного типа правовой культуры, по мнению автора, характерного для большинства современных трансформируемых обществ.

The paper considered legal negationism being integral part to a kind of distorted legal literacy which, in author's opinion, is typical of the majority of contemporary communities in transition,

Ключевые слова: правовой нигилизм, деформация, правовая культура, российское общество, общественное сознание.

Keywords: legal negationism, distortion, legal literacy, the Russian society, public awareness.

Правовой нигилизм как специфический негативный тип мировоззрения по отношению к праву в силу своей распространенности вызывает в настоящее время повышенный интерес исследователей. Будучи, с одной стороны, неотъемлемым элементом складывающегося деформированного типа правовой культуры, правовой нигилизм в то же время являет собой разновидность нигилизма как целостного мировоззренческого образования, давно занявшего свое место в современной европейской культуре.

Правовой нигилизм и нигилизм вообще – достаточно длительно существующее и распространенное в мире явление, которое можно рассматривать как явление, характерное для определенного этапа развития европейской цивилизации. Этот этап, наиболее выразительно охарактеризованный Ф. Ницше формулой «Бог умер», означавшей, что к концу XIX в. европейская культура утратила ощущение присутствия Бога в мире и теперь понимание мира человеком не основано на признании абсолютных ценностей, связан с наступлением аксиологического релятивизма. Другой немецкий мыслитель, М. Хайдеггер, анализируя на основе феноменологии европейский нигилизм как явление фундаментальное для современного сознания, выявил его ключевые черты [1]. Во-первых, мировоззренческий нигилизм – это господство бессмысленности, обеспеченности всего сущего. Отсутствие адекватной укорененной в абсолюте ценностной иерархии приводит к пониманию равнозначности всех ценностей, их относительности, а, следовательно, в конечном счете отсутствия в них какого-либо общезначимого. Во-вторых, нигилизм раскрывает себя в убеждении, что жизненный мир человека, общество сотканы из «психологических потребностей» и представляют собой только сеть пересекающихся частных интересов. Отсюда вытекает идея об отсутствии в мире и обществе единой наполненной смыслом организации, порядка и целостности.

В рамках философско-правового знания (Кузнецов Р.Е. [2], Петухов В.В. [3], Олейник А.Н. [4], Панкратова М.Е. [5], Попов М.Ю. [6] и др.) термин "правовой нигилизм" используется для характеристики разных правовых явлений и для описания различных сторон нигилистического поведения общественных субъектов.

По мнению К.Г. Федоренко, правовой нигилизм – одно из тех понятий, которое ныне активно «эксплуатируется» как в научной, так и в публицистической литературе, используется в официально-деловом языке, политико-дипломатическом обороте и бытовом лексиконе [7].

Но активное обыденное использование термина «правовой нигилизм» и доминирование в общественном сознании его общеупотребительного понимания как недовольства или несогласия с существующими правовыми нормами создает трудности с его философско-правовой категоризацией.

Категория «нигилизм» в философии права выражает субъективное отрицание. Правовой нигилизм является одним из видов общественного нигилизма, в основных сущностных моментах обладая присущими последнему свойствами и категориальными характеристиками, в частности антисоциальным характером, сознательным отказом от социально одобряемого поведения и дестимулированием реализации социальных норм в повседневной жизни.

Обращение к проблеме общественного нигилизма при исследовании правового нигилизма необходимо, так как это дает нужные методологические посылки для более глубокого, фундаментального исследования изучаемого явления и составляет методологическую основу,

на которой должна строиться конструкция правового нигилизма. Общим для правового нигилизма и общественного нигилизма является то, что они проявляются через неправомерное и антисоциальное поведение индивида сознательно и по его собственной воле.

Рост в современном российском обществе нигилистического отношения к праву сопровождался ростом исследовательского интереса российских философов к проблеме несоблюдения государством прав и свобод человека. Эта проблематика была рассмотрена в работах Бородин В.В. [8], Крусс В.И. [9], Козлихина И.Ю. [10] и др.

В XXI в. государственное и общественное отношение к правовому нигилизму изменилось еще больше. Правовой нигилизм стал рассматриваться как угроза национальной безопасности и формированию правового государства, как негативный социально-правовой фон, в котором формируются радикальные антиобщественные настроения. Эта проблематика стала предметом исследования Демидова А.И. [11], Карпова Л. [12], Попова М.Ю. [13]. и др. Эти исследователи в целом согласны с мнением С.В. Патрушева [14], что окончательное вхождение России в современность будет означать переход «от моральной регуляции к регуляции правовой».

Определенный вклад в исследование нигилизма как социокультурного феномена внесли и другие современные отечественные исследователи. А.И. Новиков, например, считает, что признаком нигилизма является не объект отрицания, а степень отрицания, его категоричность и всеобщность. «Общей особенностью всех форм нигилизма является то, что в разной мере им присущи абсолютизация субъективного, точнее, индивидуального начала, оценка действительности с позиции атомизированного индивида, отвергающего объективные закономерности, логику истории, коллективные интересы социальных общностей людей» [15].

Более частным и конкретным проявлением нигилизма как социокультурного феномена является правовой нигилизм, который, по нашему мнению, следует трактовать как релятивизацию аксиологических установок сознания в правовой сфере, по отношению к праву. Этому пониманию соответствуют имеющиеся в современной отечественной научной литературе определения правового нигилизма. Так, Н.И. Матузов видит сущность правового нигилизма «в общем, негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку» [16].

Придерживаясь понимания правового нигилизма как феномена культуры, можно согласиться и с позицией И.Д. Невважая, которая представляется довольно эвристичной [17]. С данной точки зрения правовой нигилизм можно объяснить подспудным социокультурным несоответствием между требованиями, предъявляемыми актуальной правовой культурой, и архетипическими в своей основе представлениями о праве и о правом. Из этого противостояния вытекает общее негативное отношение к чуждому правопониманию и чуждой модели права в культуре. В таком случае правовой нигилизм может быть присущ как нормативному, так и естественно-правовому типу правовой культуры. Если ценности разных типов правовой культуры несовместимы, если каждый тип культуры является специфической формой освоения, понимания, интерпретации действительности, то каждая из них находит в действительности или не находит то, что соответствует ее системе ценностей. Взаимная оценка культур может привести к обоюдному непризнанию ценностей. В таком случае и возникает правовой нигилизм, представляющий собой не просто субъективную недооценку права, обусловленную низким уровнем юридического образования, правосознания и правовой культуры, а неприятие конкретного типа правопонимания.

Корни правового нигилизма были крепки в правосознании русского народа: десятилетия правового отчуждения, отторжения права сделали свое дело – сегодня мы пожинаем плоды этого застарелого порока, не искореняя, а порою даже обогащая его новым содержанием [18].

Так, А. Ослунд [19] утверждает, что российское право не укоренилось достаточно прочным образом, несмотря на то, что было принято множество законов и все правовые учреждения подверглись существенному переустройству, так как всегда существовал конфликт интересов – реально необходимых на тот момент группе с доминирующим экономическим интересом (в момент перестройки – номенклатуре) и провозглашаемым (идея правового государства противоречила самой сути деятельности номенклатуры). Ситуацию столкновения элементов разных правовых культур мы обнаруживаем в современной России [20].

Многие исследователи сходятся на мнении, что уровень правосознания современного россиянина остается на невысоком уровне. При этом выдвигается тезис о безуспешности или торможении построения правового государства, когда правосознание граждан и элиты оперирует по большей части псевдоправовыми категориями.

Неуважение к праву и институтам государственной власти является доминантой нигилистической деформации правопонимания и проявляется на уровне практического отношения к праву, в направленности правового поведения.

Правовой нигилизм основывается на игнорировании таких главных свойств и качеств права, как обязательность, принудительность и всеобщность. Если обязательность и принудительность права в общественном сознании игнорируются по причинам слабости исполнения норм права и недоверия к правовой системе со стороны людей в целом, то индивиды пренебрегают нормативными требованиями, создаваемыми государственными органами и обеспечиваемыми в необходимых случаях институтами государственного принуждения. Игнорирование всеобщности права подразумевает, что индивиды не воспринимают правовые нормы как относящиеся именно к ним и регулирующие их поведение. В целом многие граждане России выступают за развитие правового государства, но не относят всеобщность правовых требований, ограничивающих индивидуальное поведение, применительно к себе и своим неправовым поступкам.

Существует множество различных форм, сторон, граней его конкретного проявления. Укажем лишь на некоторые из них, наиболее яркие и очевидные:

1. Прямые преднамеренные нарушения действующих законов и иных нормативно-правовых актов, которые составляют огромный, труднообозримый массив уголовно наказуемых деяний, а также гражданских, административных и дисциплинарных проступков. Злостный, корыстный уголовный криминал – наиболее грубый и опасный вид правового нигилизма, наносящий неисчислимый, не поддающийся точному определению вред обществу – физический, материальный, моральный [21].

2. Преступность – мощный катализатор правового нигилизма, мрачная зона которого стремительно расширяется, захватывая все новые и новые сферы влияния. Помимо теневой экономики, которая была и раньше, возникла теневая политика, невидимые кланы и группы давления. Злоумышленники не боятся законов, умело обходят их, используя разного рода правовые «дыры» и «щели». Действуют вполне легально или полуполюгально.

3. Повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение юридических предписаний, когда субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) попросту не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, а стремятся жить и действовать по «своим правилам». В одном из своих предвыборных выступлений Президент РФ признал, что «сегодня в России царит правовая анархия, законы никто не выполняет». Законы легко переступают, блокируют, с ними не считаются, что означает своего рода социальный бойкот, саботаж, obstruction. Закон для многих стал весьма условным понятием. Случается, что указы Президента России не признаются или толкуются на свой лад местными властями. Расхожая мысль о том, что законы пишутся для того, чтобы их нарушать, нередко у нас, к сожалению, оправдывается. Некоторые лица и структуры весьма стесненно чувствуют себя в конституционных рамках, они постоянно пытаются выйти из них.

4. Немалый вред правопорядку, интересам личности и общества причиняет и обыкновенное воровство – застарелая черта российского национального быта. На Руси воровали всегда, воруют и сейчас. Закон же, будучи не в состоянии эффективно пресечь это массовое зло, практически молчит, хотя Уголовный кодекс РФ предусматривает состав мелкого хищения. На такой «ухаженой» почве нравственно-правовой нигилизм процветает без особых помех [22].

С другой стороны, имеются значительные пласты общественных отношений, не опосредуемых правом, хотя объективно нуждающихся в этом. Дает о себе знать и перенасыщенная регламентация отдельных сторон жизни общества, сохраняющаяся с прежних времен. Все это создает правовой беспорядок, неразбериху, войну законов и властей. Именно поэтому наше общество нередко называют системой, где все можно и в то же время ничего нельзя, где многое делается не благодаря, а вопреки закону. Запутанность же законодательства дает простор для волюнтаристских действий должностных лиц, властных структур.

Таким образом, проанализировав деформации и кризисные явления в правовой культуре современного российского общества, мы пришли к выводу, что в России все отчетливее проявляется тенденция правового и нравственного нигилизма: неуважение к закону, праву, общепринятым социальным нормам. Только каждый четвертый россиянин считает, что представителю закона (работнику полиции) следует подчиниться безоговорочно по первому его требованию. Значительная часть населения не собирается слепо следовать существующему законодательству [13].

То есть, правовая культура современного российского общества демонстрирует наличие деформаций, связанных в первую очередь с утратой основных аксиологических различий, что свидетельствует об углублении общего социокультурного кризиса. Деформированность базовых траекторий социального пространства проявляется в криминализации индивидуального и массового сознания и поведения; росте преступности и изменении ее структуры в сторону криминализации всех без исключения возрастных, гендерных и профессиональных

групп; падении общественного интереса к моральной проблематике, ранее составлявшего традиционную особенность отечественного менталитета; росте аморализма и безнравственности; распространении на все общество ценностей и норм криминальной субкультуры; развитии правового нигилизма на всех социальных уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 63–176.
2. Кузнецов Р.Е. Правовой нигилизм как фактор гипертрофии правовой политики // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 29.
3. Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России // ОНС. – 2003. – № 5. – С. 43.
4. Олейник А.Н. Дефицит права (к критике политической экономии частной защиты) // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 23–45.
5. Панкратова М.Е., Гомонов Н.Д. Проблемы противодействия правовому нигилизму // Вестник МГТУ. – 2006. Т. 9. – № 1. – С. 61.
6. Попов М.Ю. Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в современной России. – М. – 2006. – С. 102–105.
7. Федоренко К.Г. Правовой нигилизм. Дисс. ... канд. юр. н. – Нижний Новгород: НГУ. 2001. – С. 16.
8. Бородин В.В., Крусс В.И. Некоторые философско-правовые проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 55.
9. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Права человека в системе «человек–универсум» // Человечность человека. Основы современного гуманизма. – М., 2005. – С. 307.
10. Козлихин И.Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб: Питер, 1993. – С. 128.
11. Демидов А.И. Политический радикализм как источник правового нигилизма // Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 84.
12. Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. – № 9.
13. Попов М.Ю., Богданов Н.И., Ерина Т.В. Правовой нигилизм: его природа и социальные последствия // Сборник трудов ИППК при РГУ. – Ростов-на-Дону: ИППК РГУ, 1998. – С. 76.
14. Патрушев С.В. (ред.). Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России. – М: ИСПИ РАН, 2002. – С. 52.
15. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. – М., 1972. – С. 12.
16. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм: Курс лекций // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 59.
17. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 27.
18. Смоленский М.Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 143.
19. Ослунд А. Право в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 1. – С. 80.
20. Смоленский М.Б., Дунаева Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 102.
21. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Триада ЛТД, 2003. – С. 204.
22. Хойман С.Е. Взгляд на правовую культуру предреволюционной России // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 121.

REFERENCES

1. KHaydegger M. Evropeyskiy nigilizm , KHaydegger M. Vremya i bytie. Moscow, 1993. pp. 63-176. (in Russ.).
2. Kuznetsov R.E. Pravovoy nigilizm kak faktor gipertrofii pravovoy politiki, *Filosofiya prava*, 2009, no. 1, pp. 29. (in Russ.).
3. Petukhov V.V., Pakhomova E.I., Sedova N.N. Prava cheloveka i diskriminatsionnye praktiki v sovremennoy Rossii , *ONS*, 2003, no. 5, p. 43. (in Russ.).
4. Oleynik A.N. Defitsit prava (k kritike politicheskoy ekonomii chastnoy zashchity), *Voprosy ekonomiki*, 2002, no. 4, pp. 23 45. (in Russ.).
5. Pankratova M.E., Gomonov N.D. Problemy protivodeystviya pravovomu nigilizmu , *Vestnik MGTU*, 2006, T. 9, no.1,p. 61, (in Russ.).
6. Popov M.YU. Pravovaya sotsializatsiya lichnosti kak resurs stanovleniya sotsialnogo poryadka v sovremennoy Rossii, *Moscow*, 2006, pp. 102-105. (in Russ.).
7. Fedorenko K.G. Pravovoy nigilizm. Diss. ... kand. yur. n., *Nizhniy Novgorod: NGU*, 2001, p. 16. (in Russ.).
8. Borodin V.V., Kruss V.I. Nekotorye filosofsko-pravovye problemy zloupotrebleniya pravami i svobodami cheloveka , *Pravovedenie*, 2002, no. 6, p. 55. (in Russ.).
9. Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishina A.A. Prava cheloveka v sisteme "chelovek-universum" CHelovechnost cheloveka. Osnovy sovremennogo humanizma. *Moscow*, 2005, p. 307. (in Russ.).
10. Kozlikhin I.YU. Ideya pravovogo gosudarstva: istoriya i sovremennost. *SPb: Piter*, 1993, p. 128. (in Russ.).
11. Demidov A.I. Politicheskiy radikalizm kak istochnik pravovogo nigilizma, *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no.4, p. 84. (in Russ.).
12. Karpov L. Rossiya i pravoe gosudarstvo , *Svobodnaya mysl*, 1992, no9. (in Russ.).
13. Popov M.YU., Bogdanov N.I., Erina T.V. Pravovoy nigilizm: ego priroda i sotsialnye posledstviya , *Sbornik trudov IPPK pri RGU. - Rostov-na-Donu: IPPK RGU*, 1998, p. 76. (in Russ.).

14. Patrushev S.V. (red.). Povsednevnye praktiki i protsessy institutsionalnoy transformatsii v Rossii, *Moscow: ISPI RAN*, 2002, p. 52. (in Russ.).
15. Novikov A.I. Nigilizm i nigilisty. - M., 1972. - p. 12. (in Russ.).
16. Matuzov N.I. Pravovoy nigilizm i pravovoy idealizm: Kurs lektsiy, *Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. N.I. Matuzova, A.V. Malko. Moscow, 1997, p. 59. (in Russ.).*
17. Nevvazhay I.D. Tipy pravovoy kultury i formy pravosoznaniya , *Pravovedenie*, 2000, no. 2, p. 27. (in Russ.).
18. Smolenskiy M.B. Pravovaya kultura: opyt sotsiokulturnogo analiza, *Rostov-na-Donu*, 2002, p. 143. (in Russ.).
19. Oslund A. Pravo v Rossii , *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*, 2000. no. 1. p. 80. (in Russ.).
20. Smolenskiy M.B., Dunaeva N.N. Pravovaya kultura i lichnost v kontekste rossiyskoy gosudarstvennosti, *Rostov-na-Donu*, 2002, p. 102. (in Russ.).
21. Mazutov N.I., Malko A.V. Teoriya gosudarstva i prava. - *Moscow: Triada LTD*, 2003. p. 204. (in Russ.).
22. KHoyman S.E. Vzgl'yad na pravovuyu kulturu predrevolyutsionnoy Rossii , *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no.1, p. 121. (in Russ.).